

И. В. Сталин на палубе крейсера «Червона Украина» Черноморского флота

100-летие Великой русской революции, как называют теперь Октябрьский переход к социализму, не оступило спор между наследниками «красных» и «белых», социалистами и либералами, монархистами и республиканцами, западниками и русофилами. Напротив, вековая дата революции обострила его с новой силой. А нынешнее разноеобразие информационных средств предоставило спорящим сторонам достаточно дискуссионных площадок. От исторически неграмотного современного кино до политических телешоу и социальных сетей. Особенно полемика на глазах ошарашенной ее градусом публики оставалась низкая культура спора со стороны тех партийных и комсомольских функционеров, что по ходу печальной памяти перестройки превратились в певцов либерального Февраля и «белой идеи». И хотя каждый второй из них обладает ученой степенью, обретенной в прокламируемыми ими советское время, историю в их публичном самовыражении подменила политическая истерия. Верный признак, что люди, заблудшие в лесу выдуманных ими же химер, говорят о собственных психоисторических комплексах, а не о том, что происходило на самом деле.

Главными целями карательных экспедиций в прошлое оставались вожди Октябрьской революции и Советского государства - Ленин и Сталин. Обвинительные заключения в их адрес сводились к известному примитиву вроде «агента кайзеровской Германии» и «вожака шайки дорожных грабителей».

Пользователей такого рода доказательствами ничуть не смущало, что, если в их аргументах и содержалась какая-то правда, то лишь та, что они заботливо лелеют исключительно свой интерес. А последний не совпадает с интересами миллионов, кому революция и советский строй предоставили небывалые прежде возможности для самореализации в коллективном труде, образовании, науке, художественном творчестве, спорте и раннем деле.

Самые острые приступы неприязни у ниспровергателей величия Октябрьской революции вызывает фигура Сталина. Возможно, потому что именно под его руководством был осуществлен ленинский замысел о построении социализма сначала в одной отдельно взятой стране. А еще больше оттого, что Сталин сумел порвать с интернационал-социализмом и сосредоточил силы государства, партии и народа на строительстве и защите социалистического Отечества. По этим причинам на него обрушиваются проклятия как ненавистников социализма, так и русофилов. Тем более, что самые догадливые из них чувствуют, в отличие от «ортодоксальных марксистов», неразрывную связь идеи коллективизма, социальной справедливости и равенства людей с русской идеей соборности, родовых основ российской цивилизации - с принципами социализма.

II

Отдельный интерес представляет попытка «объективировать» взгляд на роль выдающихся личностей в революции и начатой ею эпохе. Возможно, для того, что-

бы, поднявшись над схваткой нынешних «красных» и «белых», угодить и тем, и другим? Что из этого следует, можно заметить на примере работ видного отечественного историка Георгия Цаголова. Ему принадлежит серия исторических портретов вождей русской революции, включая Ленина, Сталина и Троцкого, опубликованных в «Литературной газете» и «Нашем современном».

В случае с Лениным и Троцким писатель справился с задачей, не отклоняясь заметно от объективно-исторического метода. Иначе произошло с историческим портретом Сталина. Сознывая, что обращение к его образу огнеопасно в идейно-политическом смысле, историк возвратился на путь тридцатилетней давности, проложивший тогда спичрайтерами М. Горбачева. Теми, кто подготовил ему доклад на торжественном заседании по случаю 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Сами авторы доклада, ничего лучшего не придумали тогда, как вернуться к хрущевской характеристике Сталина и его эпохи в «секретном» докладе 1956 года о культе личности.

Как и в первой антисталинской, а по сути антисоветской и антисоциалистической вылазке, в перестроенной версии политического мифа заслуги Сталина признавались, с известными оговорками, руководством страной в годы Великой Отечественной войны. Остальное сводилось к ошибкам, перегибам и репрессиям. На трезвую голову даже человеку, далекому от политических зигзагов, было бы ясно, почему вдруг понадобилось ворошить остывшие за полвека угли былых страстей. Однако в 1987 году хмельной дух перестроенной паленки так ударил в головы, что стало не до исторической правды. Чтобы она предстала перед глазами во всей полноте, потребовалась катастрофа распада мировой сверхдержавы, замена союзникам по социалистическому блоку, натесанным на восток, межнациональные конфликты и войны; реальные, а не выдуманные солженицынскими, миллионы загубленных жизней и судеб, региональный сепаратизм, разрушение нравственных идеалов, упадок культуры, пугающее своей пропастью имущественное неравенство, криминальный разгул, голодные обмороки в школах и на предприятиях, развал производства, тотальный обман вакуэриной приватизации, захват теневиками и номенклатурными проходимцами народной собственности, бесовские игры с толерантностью в отношении содомитов, порнозвезд и прочих извращенцев от жизни и искусства.

Не пропагандистские усилия КПРФ, а воплощенные в жизнь результаты антисоветского и антисталинского морокра открыли людям глаза на то, для чего и в чьих интересах производилась массовая промывка мозгов перестроенной ахинея под видом возвращения «правды».

III

В начале своего очерка «Феномен Сталина» Г. Цаголов ссылается, не называя имени, на автора, который предлагает системно-обобщающий взгляд на роль советского вождя в прошлом и настоящем:

«Иосиф Сталин перестал быть просто историческим деятелем. Он является символом справедливых восточных правителей, который оставил после себя не энергетический прирост развитых стран, не колонию, а сверхдержаву. Неудивительно, что его прах до сих пор не дает покоя определенным людям в российской власти, которых привели в нее не заботы о благе и процветании России, а свои личные интересы».

В таком измерении Сталин действительно остается нашим современником. И возвращает его из прошлого в настоящее не только патриоты-государственники, но еще настоящие ярые антисталинисты. Их страшит, и понятно почему, тень командора. Того, кто строго стоял на страже справедливости и равенства, жестко ограничивал аппетиты «проклятой касты», желавшей закрытых от народа лавок для себя и отдельных школ для своих детей. Непраздный вопрос, почему Сталин поступал так, а не шел на поводу у номенклатуры. Его строгая, до аскетизма, этика определялась не одним марксистским идеалом справедливого общества, но и православно-христианской моралью, усвоенной юным Иосифом Джугашвили в духовной семинарии. Тот же опыт позволил ему отказаться от фантома «мировой революции» и опереться в государственном и социалистическом строительстве на традиционные культурно-исторические основы российской цивилизации. Возможно, этот выбор происходил на подсознательном уровне, а воплощался организационно в суровой действительности.

Сам ученый, задав высокую планку в стартовой части очерка, предположившую стилистику «Ни шагу назад», стал затем отступать, повторяя либеральные характеристики сталинского феномена: «борьба с «уклонами», «насиленная коллективизация», «большой террор», «а был ли социализм?» и т.п. Тот же прием использован

при оценке роли Сталина в Великой Отечественной войне. Особенно странным выглядит иллюстрация к авторскому тезису «Сталин применял метод кнута и пряника»: «В конце июля 1941 года он завизировал указы о присвоении звания Героя Советского Союза группе солдат и офицеров Красной армии, в том числе капитану Н. Ф. Гастелло, направившему горящий самолет в колонну вражеских войск, летчику-истребителю В. В. Талалихину, который впервые произвел таран в ночном воздушном бою». Какое отношение имеет высшая степень отличия самоотверженности, проявленной на пределе человеческих возможностей, к «кнуту и прянику»? Как говорится, в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Но, когда формат задан, выйти из его рамки трудно. Всякое лыко влетает в строку ради того, чтобы пнуть мертвого льва, осудить задним числом сталинский стиль, включая адекватную оценку Верховным Главнокомандующим подвига своих солдат и офицеров.

Из того же ряда утверждение, «чтобы переломить ход войны, Сталин использовал крайние меры». И в подтверждение упрека: «В изданном июля 1942 года, ког-

В ФОКУСЕ СТОЛЕТИЕНОГО СПОРА

да продвижение немцев на юге достигло угрожающих размеров, приказе нарком обороны №227 занялись, что командиры, «отступающие с боевой позицией без приказа свыше, являются предателями Родины». На основании приказа предусматривалось создание штрафных батальонов и рот. Постоянной структурой в армии становились заградительные отряды, обязанные «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизий расстреливать на месте паникеров и трусов».

Выходит, вместо того, чтобы остановить врага любой ценой, Сталин должен был предложить своим бойцам и командирам без приказа оставлять позиции и спасаться, кто как может? И это в условиях навязанной германскими нацистами войны на уничтожение?

Можно понять, когда такое писали и говорили горбачевы, яковлевцы, волкогонеры и прочие. Ими двигал конкретный политинерс. Личный и корпоративный. Но профессиональный историк? По определению призванный видеть за совокупностью фактов смысл происходящего?

Так «объективация» с либеральных позиций превращается в необъективность, а то и предвзятость взгляда на прошлое и его участников. Характерно проявляется это внисходящей оценке историком действий Л. Троцкого в аналогичной ситуации. «Как глава Красной армии Троцкий подчас не был разборчив в средствах, подвергал расстрелу каждого десятого из отступающих частей (применял децимацию, известную с эпохи Древнего Рима), использовал заградительные отряды. Но тогда решался вопрос - кто кого?».

Вот так просто: тогда, в гражданскую, решался вопрос «кто кого». И потому расстрелы отступавших красноармейцев и заградотряды были оправданы. А в Великой Отечественной войне вопрос «кто кого» не стоял? И потому Сталину как Верховному Главнокомандующему непозволительно было принимать крайние меры для остановки паникеров и трусов? Выходит, в случае с Троцким - время было такое, военное, а в случае со Сталиным - нет?

Что это: научный подход или продолжение песни, начатой Хрущевым и подхваченной затем Горбачевым и компанией?

Словно спохватившись после упреков Сталину в использовании крайних мер в годы войны, историк вспоминает вдруг: «В отличие, скажем, от Франции, которая через несколько дней сдалась пустила немцев в Париж, наша страна под руководством Сталина выстояла и победила. А ведь армия вермахта питалась многими государствами Европы и немцы с особым жесточением дрались на восточном фронте. Даже когда враг был у порога Москвы, Сталин не оставил город, организовал эвакуацию заводов фабрик».

И только? А не он ли стоял на трибуне Ленинского мавзолея, благословляя участников легендарного парада 7 ноября 1941 года на смертный бой с лютым врагом? Парада, что стал генеральной репетицией Парада Победы 24 июня 1945 года.

Не он ли, в отличие от его обличителей, взял на себя неподъемную для других ответственность за судьбу страны и сохранил ее в испытаниях, которые не сникли антисталинцам времен «оттепели» и перестройки?

То же касается и любимой критиками Сталина темы репрессий. У Цаголова им посвящена глава «Большой террор». Его причины сводятся обычно к особенностям сталинского характера. Цаголов не пишет об этом прямо. В его версии «курс на репрессии активизировался

после убийства Кирова в 1934 году». Там же историк отмечает, что Сталин выдвинул идею «обострения классовой борьбы по мере строительства социализма». Было ли это причиной «активизации курса на репрессии» или нет, непонятно, как хочется. Впрочем, наем вполне прозрачный. И является, как и воспроизведение данных о репрессиях, калыкой с «секретного» доклада Н.С. Хрущева в феврале 1956 года о культе личности и горбачевского доклада в ноябре 1987 года о 70-летию Октябрьской революции. Два сапога - пара.

IV

На самом деле тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма не был результатом отвлеченного умозаключения. Он констатировал исторический факт, вытекавший из ситуации, в которую вошла страна с принятием Конституции 1936 года. С одной стороны, произошло юридическое признание факта построения в СССР основ социализма. С другой - предоставление всем гражданам страны, включая и представителей бывших имущих

классов, равных избирательных и других политических прав вызвало шок у высшей и региональной номенклатуры, привыкшей властвовать в силу должностного положения.

В наше время, благодаря изысканиям добросовестных историков, известно, что Сталин инициировал доведение конституционной нормы о всеобщем равном избирательном праве до ее логического завершения - альтернативных выборов в представительные органы государственной власти.

От одной только вести о демократической идее вождя номенклатурный шок перерос в корпоративно-кастовый переполох. А последний, в свою очередь, в отменную, по всем меркам, междоусобицу. Что это было, как не обострившаяся борьба внутри политического класса? Она втянула в свое поле и другие классы советского общества.

В течение полвека после первой атаки на Сталина, предпринятой Хрущевым, глубинную причину обострения классовой борьбы в СССР в 1937-38 годах старательно замалчивали. Еще бы, каково было экстроникам хрущевского типа и затейникам буржуазной реставрации в СССР признать, что действительным генератором советской демократии был «термидорианец», по характеристике Троцкого, Сталин.

Но шло историческое правды в крапивном мешке фальсификации не утаишь. Сегодня о классово-политической природе того, что происходило в СССР на исходе 20-летия Октябрьской революции, говорят и пишут правду непредвзятые историки.

«Партия в 1917 году была склеена разных кусочков. Причем внутренние разногласия касались не второстепенных коренных. Собственно большевики выражали интересы промышленного пролетариата страны, ставшие большевиками левые эсеры представляли чаяния крестьян, а троцкисты вообще все внутрироссийские вопросы предлагали решать только сквозь призму задач международного революционного движения, рассматривая Россию как «хворост» для мировой революции. Эти идейные разногласия были не безобидными еще и потому, что организационные вопросы в партии решались под их влиянием: разные группы вокруг тех или иных лидеров старались втихую провести на ответственные посты своих сторонников и ставленников, создать параллельные центры и вертикали власти. Отсюда и ломка выкованных в горниле испытаний первоначально здоровых партийных стереотипов поведения. На смену открытости, честности и бескорыстия стали приходить двуличие и скрытность, ориентированный на своего лидера карьеризм. Эти негативные явления стали набирать силу по мере развития НЭПа. В правящую партию хлынул поток безыдейных и беспринципных карьеристов, зачастую прямых недоброжелателей и врагов советской власти. Нараставший идейный и организационный кризис разрешили открытой межфракционной борьбой внутри партии и тотальной кровавой чисткой ее рядов. Если говорить объективно, то была мини-гражданская война. Как и любой другой в природе и обществе, этот кризис, наряду с потерями, принес и оздоровление партийных рядов.»

К началу Великой Отечественной войны партия подошла уже более сплоченной и отоборозившейся на решение задач не только политического и хозяйственного, но и оборонного характера. Что бы

сегодня не говорили, именно это обстоятельство сыграло очень важную роль в достижении Великой Победы и в быстром восстановлении народного хозяйства в послевоенный период» (Ан. Штыров. Диалектика власти).

В нервном сплетении названных событий фигура Сталина **«На протяжении нескольких десятилетий его имя было у нас нарицательно-ругательным. Однако не в народе, а в официальных, затем «демократических» СМИ, литературе, кино. Обычные его характеристики - кровавый тиран, диктатор... Они настолько упорно внушаются людям, что в них мало кто уже верит. Особенно когда становятся ясны масштабы фальсификаций в оценке количества жертв «сталинских» репрессий, переоцениваются деяния и личные качества реабилитированных, а особенно - при выснении роли в репрессиях тех, кто их осуждал и осуждает»** (Ан. Штыров. Указ. соч.).

В данной связи исследователю обращать внимание, в отличие от Г. Цаголова, на попытки Сталина реформировать партию коммунистов. Первую из них А. Штыров относит, как и доктор исторических наук Ю. Жуков, к середине 1930-х годов, когда под руководством Сталина была разработана и принята новая Конституция СССР. **«В ней предусматривалась полная передача административных и хозяйственных функций от партии органам советской власти при выборности советов всех уровней на конкурентной альтернативной основе. Существует несколько версий, почему эти конституционные положения не были реализованы. Одна из них обращает внимание на то, что принятие Конституции удивительным образом совпало с усилением политических репрессий. А их новый виток объясним стремлением партийных лидеров на местах продемонстрировать Сталину опасность альтернативных выборов и свою незаменимость в условиях обилия внутренних врагов. Другая указывает на непропорционально большое число среди партийных руководителей - инициаторов репрессий, бывших троцкистов... скорее всего было несколько причин. Но совокупность событий, ими обусловленных, привела к выводу об опасности общественной дестабилизации в ходе реализации на практике новых положений Конституции в условиях надвигающейся войны».** Этим объясняется отказ Сталина от первой попытки реформировать партию.

После победного окончания войны и быстрого восстановления народного хозяйства снова появилась возможность реформировать партию и политическую систему Советского государства. В 1952 году, на XIX съезде партии, были приняты решения, отвечающие Конституции 1936 года, о передаче большей части управленческих полномочий от партийных выборным советским органам. Эти решения не были исполнены из-за смерти Сталина.

«Его преемники, несмотря на демонстрируемый внешне либерализм, быстро вернули все на круги своя. Вновь судьба страны стала прямо зависеть от внутрипартийных дел. Ситуация изменилась радикально после XX съезда КПСС. Его итоги стали во многом началом разрушительных тенденций как для партии, так и для государства в целом. Резко упал авторитет коммунистов. Произшла перемена стимулов вступления в партийные ряды: идейные мотивы стали уступать место соображениям карьеры и престижа. Вновь в партию хлынула волна приспособленцев и стяжателей. ... К 1980-м годам появилась опасная тенденция: внутри третьего, послеоктябрьского поколения советских людей вырос слой номенклатурных сынков и дочек. Не имея личностных данных для занятия заслуженно высокого общественного положения, они созрели, тем не менее, для намерений материализовать свои возможности, связанные с положением отцов и дедов, для захвата собственности, материальных благ и власти. Настал благоприятный момент, на рубеже 80-х - 90-х годов, и намерения были реализованы» (А. Штыров. Там же).

Вот и отвергая после этого сталинский вывод об обострении классовой борьбы по мере развития социализма. Анатолий Штыров, чья статья «Диалектика власти» опубликована в том же, десятом номере «Нашего современника» за 2017 год, что и очерк Георгия Цаголова о Сталине, утверждает со всей ответственностью:

«Массовое появление подобных (горбачевского типа) проходимцев в партийной среде было прямым следствием сталинских реформ государства и партии коммунистов».

Предвидя бурную рефлексию на свое откровение, он обращается к тем, кто еще не понял, куда угордил на дороге, вымощенной антисталинским (читай антисоветским и русофобским) вздором:

«Некоторые обыватели возопят: что бы ни делалось, все делается к лучшему. Разуйте глаза: пришедшая на смену коммунистам «демократия» установила режим капитализма, который пока еще занят высасыванием природных ресурсов страны, забавляя вас «колониаль-

ными» товарами в придорожных лавках, бесконечными телешоу для дебилов и политическими клоунами. Но дойдет дело и лично до каждого из вас. Капитал не терпит белых пятен на ниве эксплуатации».

«Дойдет до вас» или уже дошло, вот в чем вопрос. Если вспомнить об оптимизации здравоохранения, дрейфующего от бесплатного общедоступного к платному и малодоступному; о реформе образования, что привела российского десятиклассника, «неизменного победителя исторических олимпиад», к покаянному выступлению в германском рейхстаге о «так называемом Сталинградском котле», придется признать, уже дошло. До культурной и нравственной деградации тех, кто покорствовал и потворствовал своим безразличием или своей поддержкой всему, что происходило со страной после 1991 года. То ли еще будет. Если жертвы «оптимизации» и дальше продолжат отдавать голоса за «нужных руководству кандидатов» или хуже - «голосовать против них ногами». Они за это еще и спасибо скажут. Меньше явка на выборы - меньше проблем для организаторов «нужного» результата. От тех, кто с ними согласен, странно слышать сожаление: «Сталина на них нету».

На самом деле Сталин есть и будет в сознании и поступках тех, кто не мирится с несправедливостью, для кого национально-государственные интересы Родины и достоинство честного труда выше соблазнов погребительского благополучия и рабленого желания склонить голову перед богатством. Тем дороже всем, кто не оставил последнего патристического рубежа, уроки сталинских побед и поражений. В них открывается правда прошлого, настоящего и будущего.

«Не может быть устойчивой, - пишет А. Штыров, - система, направленная, по своей сути, на экономическое принуждение и политическое унижение большинства ради вызывающего и развратного богатства меньшинства».

В любом случае, полагают он, нужен опыт нашего собственного прошлого: «Безбрежная демократия в политике приводит к власти, как пень на волнах, всяких мастей демагогов и стертятников, которые тут же перестраивают экономику на капиталистический лад, видя в этом путь к обогащению и закреплению собственной власти».

Не менее чревата, - считает А. Штыров, - и однопартийная монополия: «Тоталитарное положение одной партии заканчивается ее загнанием и конвертацией партии верхней части своих властных полномочий в капиталистическую самовосрастающую собственность на средства производства. Результат такой же, как и в первом случае». И тот, и другой испытаны в России.

«Может быть, еще какой-то третий путь?» - задается вопросом честный перед собой и людьми исследователь. И предполагает: «Возможно, в раздумьях над ответом будет полезен и замысел неосуществленных сталинских реформ».

В фокусе векового спора социалистов-государственников с либерал-транснационалистами об Октябрьской революции, Ленине, Сталине и советском социализме высветились две противоположные линии. Первая из них - аргументированная системой взаимосвязанных фактов защита исторической правды о советском периоде отечественной истории и его вождях. Вторая - односторонняя озлобленная по отношению к советскому прошлому, с оголтением шельмованием успешных лидеров СССР.

Между двумя непримиримыми линиями возникает временами третья, пунктирная - как попытка связать несоединимое: стандартный набор проклятий в адрес советских вождей с признанием у них некоторых заслуг перед историей и страной. Получаются, как говорила в свое время старая майкопско-ростовская большевичка Анна Никифоровна Суворова, те же штаны, только на зад пуговицей.

Это совсем не тот третий путь, о котором размышляет А. Штыров. Но даже попытка с негодными средствами полезна тем, что содержит саморазоблачительный заряд. Стремясь встать над схваткой сталинистов и контрсталинистов, «объективаторы» скатываются в антисталинский топ. А народный интерес к Сталину, умершему 64 года, продолжает расти. Представитель «третьей линии» свой очерк о Сталине начал со ссылки на сощопрос: «Летом нынешнего года социологи «Левада-центра» попросили россиян назвать самых выдающихся людей всех времен и народов. На первом месте оказался Иосиф Сталин, получивший 38 процентов всех голосов и обогедший Пушкина и Путина (по 34 процента), а также Ленина (32 процента). Сталин лидировал в том же опросе и пять лет назад еще с большим результатом. В среднем получается 40 процентов, причём его популярность растет среди молодежи».

Чего же боле? А если и после этого историк берется за реанимацию троцкистско-хрущевского и горбачевского-яковлевского мифа о Сталине, это означает одно: **«Сталин не ушел в прошлое - он растворился в будущем»** (Шарль де Голь).

Этими словами великого французца, пожалуй, и закончу статью к 138-летию И.В. Сталина.

Евгений САЛОВ,
кандидат философских наук.